

Спасский А. А. Суждения современной протестантской церковно-исторической науки об Аполлинарии Лаодикийском и его значении в истории догматики: [Речь перед защитой магистерской диссертации] // Богословский вестник 1896. Т. 1. № 2. С. 171–188 (2-я пагин.).

Сужденія современной протестантской церковно-исторической науки объ Аполлинаріи Лаодикійскомъ и его значеніи въ исторіи догматики ¹⁾.

Ваше Высокопреподобіе!

Мм. Гг.!

Предлагая свое изслѣдованіе о сочиненіяхъ Аполлинарія Лаодикійскаго вниманію Вашего просвѣщеннаго собранія, а равно и всей болѣе или менѣе серіозно интересующейся церковно-исторической наукой публикѣ, я наиболѣе смущаюсь той мысли, что первое впечатлѣніе, какое вызоветъ моя книга въ рукахъ любознательнаго читателя, выразится въ невыгодномъ для ея автора чувствѣ недоумѣнія и разочарованія. Я боюсь, что при бѣдности нашей богословской литературы, при недостаткѣ удовлетворительныхъ руководствъ даже по общимъ церковно-историческимъ вопросамъ и при полномъ отсутствіи обстоятельныхъ изслѣдованій о замѣчательнѣйшихъ отцахъ церкви, мой трудъ покажется слишкомъ специальнымъ, слишкомъ узкимъ, не отвѣчающимъ ближайшимъ потребностямъ нашей отечественной богословской науки. Миѣ съ полнымъ правомъ могутъ сказать: кто такой Аполлинарій Лаодикійскій, чтобы стоило тратить время и силы на составленіе особой монографіи о немъ, и притомъ не столько о немъ, сколько о сочиненіяхъ его, да еще въ ихъ исторической судьбѣ? развѣ мало

¹⁾ Рѣчь предъ защитой магистерской диссертациі на тему: „Историческая судьба сочиненій Аполлинарія Лаодикійскаго съ краткимъ предварительнымъ очеркомъ его жизни“.

въ исторіи другихъ, кромѣ Аполлинарія, болѣе крупныхъ именъ, которыя давно ждуть себѣ подробнаго и всесторонняго изученія?—Не рѣшаюсь отвѣчать на эти вопросы по существу; но чтобы сколько-нибудь оправдать выборъ предмета для своего изслѣдованія, я прошу Вашего позволенія сдѣлать маленькую экскурсію въ область современной протестантской церковно-исторической науки и попытаюсь охарактеризовать какъ новѣйшія изслѣдованія западныхъ ученыхъ объ Аполлинаріи, послужившія вѣдшимъ поводомъ моего сочиненія, такъ и тѣ сужденія, какія высказываются тамъ относительно значенія этого писателя въ общемъ ходѣ церковно-историческаго развитія. Смѣю надѣяться, что предпринимаемая мною экскурсія для людей, слѣдящихъ за успѣхами богословской мысли на западѣ, не останется лишненною всякой занимательности, для меня же она прямо важна, какъ нѣкоторый способъ самооправданія.

Особый интересъ вопросъ объ Аполлинаріи получилъ въ западной наукѣ въ сравнительно очень недавнее время, не ранѣе, какъ съ 1879-го года. Это, конечно, не значитъ того, чтобы и прежде, до названнаго года, въ наукѣ не было никакихъ изслѣдованій, никакой рѣчи объ Аполлинаріи. Совсѣмъ напротивъ: объ этомъ писателѣ съ давней поры въ наукѣ существовала своя литература, и литература очень обширная. Въ учебникахъ, руководствахъ и ученыхъ сочиненіяхъ по общей исторіи церкви и, въ частности, по исторіи IV-го вѣка Аполлинарію всегда отводилось опредѣленное мѣсто; начиная еще со временъ Сократа и Созомена, историки останавливались на немъ своимъ вниманіемъ, излагали его ученіе и такъ или иначе обсуждали его дѣятельность; случалось, хотя и рѣдко, что ему посвящались даже спеціальныя изслѣдованія или самостоятельныя отдѣлы въ сочиненіяхъ по болѣе общимъ вопросамъ. Но вся эта литература, за малыми исключеніями, была очень однообразна и, главное, опиралась на почвѣ недостаточно твердой. Ученые собирали отзывы древности объ Аполлинаріи, растворяли ихъ собственными сужденіями, изучали случайно сохранившіеся отрывки изъ его сочиненій и иногда стремились свести въ систему его догматическія воззрѣнія, но при этомъ они не имѣли въ своемъ распоряженіи ни одного цѣльнаго сочиненія самого Аполлинарія,

по которому можно было бы провѣрить отзывы о немъ древности и прослѣдить его вліяніе на церковную письменность, и, потому, должны были при сужденіяхъ о немъ руководствоваться болѣе собственнымъ вдохновеніемъ, чѣмъ научными данными.—Съ 1879-го года это положеніе дѣла неожиданно и радикально измѣняется, вопросъ объ Аполлинаріи получаетъ совершенно иную постановку и начинается разрабатываться при существенно иныхъ условіяхъ. Толчокъ къ этому новому въ наукѣ движенію въ изученіи Аполлинарія данъ былъ довольно случайнымъ обстоятельствомъ; норвежскій профессоръ Каспари, работая надъ изслѣдованіемъ символовъ древней церкви, между прочимъ занялся разсмотрѣніемъ одного надписаннаго именемъ св. Григорія Чудотворца, но ему не принадлежащаго сочиненія: *ή κατά μέρος πίστις* или „Подробноо изложеніе вѣры“ и, благодаря вновь найденному имъ свидѣтельству Θεодорита Кирскаго, неопровержимо доказавъ, что авторомъ этого сочиненія былъ никто иной, какъ именно Аполлинарій Лаодикійскій. Попутно съ этимъ Каспари приписалъ авторству Аполлинарія еще нѣсколько другихъ сочиненій, дошедшихъ до насъ въ числѣ подложныхъ твореній св. Аеанасія Александрійскаго и папы Юлія, не входя, однако, въ ближайшее ихъ изученіе, и объ этихъ результатахъ оповѣстивъ ученый міръ своею книгой: „Старые и новые источники для исторіи крещальныхъ символовъ и изложеній вѣры (Alte und neue Quellen zur Geschichte d. Taufsymbols und d. Glaubensregel, Christiania, 1879)“. Самъ Каспари не интересовался ни Аполлинаріемъ, ни его литературной дѣятельностью; всѣ усвоенныя имъ Аполлинарію сочиненія были важны для него не сами по себѣ, а лишь въ качествѣ матеріала для исторіи символовъ; поэтому, никакихъ новыхъ выводовъ въ отношеніи къ Аполлинарію и его эпохѣ изъ своихъ открытій Каспари не сдѣлалъ. Тѣмъ не менѣе въ изученіи Аполлинарія его работы получили очень важное значеніе; онѣ съ образцовою основательностью и окончательностью устанавливали два крупныхъ факта: во-первыхъ, что сочиненія Аполлинарія не позже первой четверти V-го вѣка съ какими-то злокозненными цѣлями были надписаны именами св. отцевъ и учителей церкви и въ этомъ видѣ пущены въ обращеніе, вводя собой въ обманъ многихъ

вполнѣ православныхъ читателей, а во-вторыхъ, что часть этихъ сочиненій сохранилась до нашего времени цѣльною и подѣ тѣми же искаженными надписаніями, подѣ какими они вращались въ древней церкви. Оба эти тезиса, кидая совершенно новый свѣтъ на литературную дѣятельность Аполлинарія и судьбу его сочиненій, въ тоже время открывали весьма широкіе горизонты для дальнѣйшихъ изслѣдованій объ этомъ писателѣ. Они невольно вызывали собой такого рода вопросъ: если труды Аполлинарія были подвергнуты фальсификаціи въ своихъ подписаніяхъ, — и притомъ фальсификаціи не случайной, объясняемой напр. излишнимъ усердіемъ переписчиковъ, а преднамѣренной, преслѣдовавшей опредѣленные цѣли, то не должны-ли мы вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что кругъ потерпѣвшихъ эту операцію произведеній Аполлинарія не ограничивался только тѣми четырьмя-пятью сочиненіями, на какія указалъ Каспари? Не естественно-ли предположить, что въ массѣ древне-церковныхъ твореній, переданныхъ древностью съ недостоверными надписаніями, еще сохраняются и многіе другіе, болѣе важные памятники его литературной дѣятельности, неизвѣстные намъ только потому, что на нихъ не было обращено должнаго вниманія?

За рѣшеніе этого и подобнаго рода вопросовъ и взялся, вскорѣ же послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія Каспари, доселѣ здравствующій нѣмецкій ученый Іоганнъ Дрезеке, заявлявшій о себѣ и ранѣе нѣкоторыми мелкими работами изъ области патристики. Выходя изъ результатовъ, добытыхъ норвежскимъ профессоромъ, Дрезеке обратился къ тѣмъ блуждающимъ на небѣ церковной письменности произведеніямъ, относительно автора и времени появленія которыхъ въ наукѣ не составилось никакого устойчиваго взгляда, и среди нихъ старался отыскать тоже, что найдено Каспари въ отношеніи къ ложнонадписаннымъ твореніямъ Григорія Чудотворца, Афанасія и Юлія. Его старанія увѣнчались блестящимъ успѣхомъ: имъ открыто и обслѣдовано до 9-ти новыхъ сочиненій Аполлинарія, о существованіи которыхъ никто ранѣе и не подозрѣвалъ и между которыми встрѣчаются такіа образцовыя по методу и стилю творенія древности, какъ псевдо-Іустиново „Изложеніе вѣры“ или „Увѣщательное слово къ эллинамъ“. — Обогатившія

церковно-историческую науку столь значительнымъ числомъ новыхъ открытій, изслѣдованія этого ученаго объ Аполлинаріи носятъ на себѣ очень своеобразный характеръ и по своимъ качествамъ прямо противоположны работамъ Каспари. Дрѣзке по профессіи педагогъ; онъ состоитъ старшимъ учителемъ гимназіума въ малоизвѣстномъ мѣстечкѣ Вандсбеккѣ въ Германіи; вслѣдствіе многочисленныхъ обязанностей по своей должности ему приходилось заниматься Аполлинаріемъ урывками и среди неблагопріятныхъ условий, на которыя онъ самъ жалуется и которыя побудили его свои авторскія объясненія, сдѣланныя имъ къ изданію сочиненій Аполлинарія, закончить словами Ап. Павла о несовершенствѣ всякаго человѣческаго познанія (1 Кор. XIII, 9. 10) ¹⁾. Анализъ его статей показываетъ, что этотъ эпиграфъ приложимъ къ его изслѣдованіямъ въ самомъ ближайшемъ и обыденномъ смыслѣ; у Дрѣзке не было хорошихъ изданій тѣхъ сочиненій, о которыхъ онъ ведетъ рѣчь; для него остались неизвѣстными нѣкоторыя важныя изслѣдованія старыхъ ученыхъ, касающіяся Аполлинарія; онъ выдаетъ за новости то, что давно до него было вынесено на ученый рынокъ; словомъ, онъ работаетъ поспѣшно и на скорую руку. Его методъ изслѣдованія очень простъ и весьма пригоденъ для полученія разныхъ сюрпризовъ, мысль о которыхъ ранѣе никому не приходила и въ голову. Въ основаніи своихъ изысканій онъ беретъ свидѣтельство древнихъ писателей о томъ или другомъ сочиненіи Аполлинарія, — свидѣтельство, большею частію слишкомъ общее, не заключающее въ себѣ ни малѣйшаго намека на характеръ и содержаніе сочиненія, — а за недостаткомъ такового свидѣтельства изобрѣтаетъ его самъ; затѣмъ, при помощи широкихъ аналогій и разныхъ очень рискованныхъ сближеній подводитъ подъ него какос-либо подложное твореніе, сохранившееся до нашего времени съ именемъ почтеннаго церковнаго писателя, — и открытіе новаго произведенія Аполлинарія готово! Такъ напр. изъ свидѣтельствъ Иеронима и Филосторгія извѣстно, что Аполлинарій боролся съ арианствомъ въ особомъ сочиненіи, направленномъ противъ Ев-

¹⁾ См. *ero Apollinarios von Laodicea. Sein Leben und seine Schriften. Nebst einem Anhang: Apollinarii Laodicensi quae supersunt dogmatica.* Leipzig 1895, p. XII.

номія; что это было за сочиненіе, какой оно имѣло объемъ и въ чемъ состояло его содержаніе,—объ этомъ наука ничего не знаетъ. Но случилось такъ, что въ ряду твореній, написанныхъ именемъ св. Василія Великаго, но ему не принадлежащихъ, сохранилось одно, опровергающее, судя по заголовку, Евномія,—и вотъ сопоставляя эти два факта, Дрэзке тотчасъ же приходитъ къ предположенію о тождествѣ этого творенія съ тѣмъ Аполлинаріевымъ сочиненіемъ противъ Евномія, о которомъ говорятъ Іеронимъ и Филосторгій¹⁾. Или еще примѣръ: по извѣстію историка Сократа, Аполлинарій въ царствованіе Юліана Отступника переложилъ Евангельскія сказанія въ формѣ Платоновскихъ діалоговъ, по словамъ же Іеронима онъ въ теченіи своей жизни много писалъ противъ аріанъ; Дрэзке весьма характерно для своихъ пріемовъ сливаетъ эти оба свидѣтельства въ одно, получая тотъ выводъ, что Аполлинарій въ діалогической формѣ полемизировалъ съ аріанствомъ, и затѣмъ уже пользуется этимъ выводомъ, какъ документальнымъ доказательствомъ принадлежности Аполлинарію діалоговъ о св. Троицѣ, дошедшихъ подъ именемъ Асанасія и доселѣ безнадежно скитающихся отъ одного писателя древности къ другому²⁾. Предположенія Дрэзке строятся, такимъ образомъ, очень легко, но столь же легко они имъ и доказываются. Его аргументація — однообразна и основана на элементарныхъ пріемахъ: она состоитъ въ сравненіи вновь усвояемаго Аполлинарію сочиненія съ тѣми его произведеніями, принадлежность которыхъ этому писателю признана была уже ранѣе, и такъ какъ это сравненіе простирается у Дрэзке не на спеціально Аполлинарію свойственныя особенности воззрѣній и терминологіи, а на общія весьма многимъ писателямъ IV-го вѣка положенія и такіе распространенные въ то время термины, какъ слово „γέννημα—рожденіе“ въ отношеніи къ Сыну Божію или слово: „θεός“ въ приложеніи къ Духу Святому, то оно всегда приводитъ къ желательному результату, всегда открываетъ между сравниваемыми сочиненіями извѣстную

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ диссертациі, стр. 350 сл.

²⁾ Подробнѣе тамъ же, стр. 373 сл.

„общность въ содержаніи и языкѣ“, располагающую видѣть въ нихъ произведенія одного и того же автора. И въ изобрѣтеніи этой ни къ чему не ведущей общности Дрезеке неисчерпаемъ; у него идетъ въ дѣло все, что можно найти сходнаго между двумя данными сочиненіями; если они, — эти сочиненія, — совпадаютъ между собой въ двухъ-трехъ текстахъ Св. Писанія, — пусть даже эти тексты привлечены къ подтвержденію совершенно различныхъ положеній, — то и такое совпаденіе является у Дрезеке доказательствомъ единства ихъ автора, которое иногда даже „въ первой линіи укрѣпляетъ его въ высказанномъ предположеніи“. Очевидно, Дрезеке мало назвать господиномъ своего дѣла: онъ не только господствуетъ надъ изучаемымъ матеріаломъ, онъ деспотически распоряжается имъ; въ его комментаріяхъ слова древнихъ писателей получаютъ новый смыслъ и говорятъ то, что нужно ученому; самыя отдаленныя и сомнительныя сближенія играютъ роль неопровержимыхъ аргументовъ; то, что на обыкновенный взглядъ свидѣтельствуетъ противъ предположенія, оказывается самой прочной его опорой. Неудивительно, что, при такихъ свободныхъ приемахъ изслѣдованія, Дрезеке въ нѣсколько годовъ удалось сдѣлать столько открытій, сколько не удастся всѣмъ ученымъ вмѣстѣ въ теченіи полстолѣтія!

Не смотря на это несоотвѣтствіе изслѣдованій Дрезеке требованіямъ серіозной науки, его выводы были встрѣчены на западѣ съ сочувствіемъ и нашли себѣ такой же — радужный пріемъ, какъ и осторожно составленныя и тщательно обдуманная работы Каспари. Внѣшнему успѣху Дрезеке наиболѣе способствовало то обстоятельство, что, насколько мы знаемъ, еще доселѣ ни одна изъ его статей объ Аполлинаріи не вызвала собой у западныхъ ученыхъ подробнаго разбора, не была критически провѣрена по ея основаніямъ и методу. Западные ученые судили объ изысканіяхъ Дрезеке по тому впечатлѣнію, какое они производятъ при первомъ чтеніи, а это впечатлѣніе, дѣйствительно, склоняется въ пользу ихъ автора. Статьи Дрезеке написаны по всѣмъ правиламъ ученаго искусства; онѣ обставлены необходимыми аппаратами научности и украшены солидной эрудиціей; въ нихъ собрано все, что можетъ въ какомъ-либо отношеніи идти въ доказательство развиваемаго въ

нихъ тезиса, и заботливо устранено то, что способно вызвать сомнѣніе въ ихъ конечномъ выводѣ или прямо подорвать его; дѣйствуя на читателя въ одномъ только положительномъ направленіи, онѣ незамѣтно располагаютъ его къ признанію, что авторъ ихъ, если и не достигаетъ въ своихъ открытіяхъ несомнѣнныхъ результатовъ, то все-же стоитъ на близкомъ къ истинѣ пути. Вотъ почему изслѣдованія Дрэзеке, оцѣниваемая по первому взгляду, не только охотно принимаются разными учеными нѣмецкими журналами, но и вмѣстѣ съ текстомъ приписанныхъ имъ Аполлинарію сочиненій перепечатываются въ такомъ серьезномъ въ научномъ отношеніи изданіи, какъ „Texte und Untersuchungen“ Гебгардта и Гарнака. Мало того: на ряду съ выводами Каспари ихъ результаты привлекаются въ качествѣ новыхъ данныхъ къ обсужденію различныхъ церковно-историческихъ вопросовъ и полагаются въ основу новыхъ воззрѣній на Аполлинарія и ту многосложную эпоху, которой принадлежитъ его дѣятельность. Любопытно, что Дрэзеке, занимавшійся изученіемъ Аполлинарія въ продолженіи десяти лѣтъ, не высказалъ никакой общей оцѣнки относительно этого дѣятеля, не далъ одного цѣльнаго взгляда на его историческое положеніе. Дрэзеке, конечно, превозноситъ Аполлинарія, отдаетъ ему передовое мѣсто между всѣми его современниками; особенно часто онъ повторяетъ сужденіе Филосторгія, арианскаго историка V-го вѣка, по которому Аполлинарій, какъ эзегетъ и ораторъ, ставится выше св. Василія Великаго и Григорія Богослова и который въ сравненіи съ нимъ умаляетъ св. Леонасія, *ὡς παιδα*. Дрэзеке ограничивается только тѣмъ, что расширяетъ это общее сужденіе Филосторгія, перенося его съ экзегетической области на догматическую, но въ частности онъ не входитъ; онъ не рѣшаетъ вопросовъ о томъ, въ чемъ же точнѣе выразилось это превосходство Аполлинарія предъ упомянутыми отцами и какія заслуги должны быть признаны за нимъ въ исторіи своего времени съ точки зрѣнія вновь открытыхъ его произведеній? Эту обязанность выполняетъ за него другой нѣмецкій ученый, пользующійся громкою славой въ современномъ протестантскомъ ученомъ мірѣ, профессоръ Берлинскаго университета по кафедрѣ церковной исторіи Адольфъ Гарнакъ, во второмъ томѣ своего

надѣлавшаго много шума „Учебника по исторіи догматовъ (Lehrbuch d. Dogmengeschichte, Freiburg, 1887)“.

Извѣстно, что одною изъ замѣчательныхъ сторонъ историческаго таланта Гарнака является то неподражаемое искусство, съ какимъ онъ умѣетъ воспользоваться въ своихъ цѣляхъ новыми изслѣдованіями, извлечь изъ нихъ все важное и существенное и поставить ихъ результаты въ тѣсную связь съ общимъ строемъ церковно-историческихъ представленій. Эта черта наблюдается и въ его сужденіяхъ объ Аполлинаріи; на нихъ можно смотрѣть, какъ на окончательный итогъ, какъ на завершеніе того движенія въ изученіи Аполлинарія, которое начато было работами Каспари и продолжено въ статьяхъ Дрэзеке. И, дѣйствительно, въ преувеличеніи историческаго значенія Аполлинарія дальше Гарнака идти уже некуда; Филосторгіева тенденція, ясно высказанная еще у Дрэзеке, подъ перомъ Гарнака развивается въ широкую, детальную картину догматическихъ волненій IV-го и послѣдующихъ вѣковъ, въ которой Аполлинарію отводится первенствующее положеніе. Гарнакъ обсуждаетъ Аполлинарія въ приподнятомъ тонѣ и съ замѣтнымъ увлеченіемъ; онъ называетъ его „самымъ значительнымъ богословомъ своего времени“, „великимъ учителемъ“, и не щадитъ красокъ, чтобы ярче обрисовать его личность. Съ именемъ Аполлинарія онъ не только готовъ связать всѣ важнѣйшіе пункты древне-церковной догматики, но и указываетъ въ нихъ явные слѣды вліянія литературной его дѣятельности. Онъ приписываетъ Аполлинарію великое значеніе уже въ исторіи того вопроса, который поднялъ споры въ христіанскомъ мірѣ IV-го вѣка гораздо ранѣе выступленія его на литературное поприще, т. е. въ исторіи вопроса о единосущіи Лицъ св. Троицы. Въ глазахъ Гарнака Аполлинарій есть ни болѣе, ни менѣе, какъ основатель и первый систематизаторъ православнаго ученія о св. Троицѣ; онъ—ученикъ св. Аванасія, но не повторяетъ своего учителя, а продолжаетъ и заканчиваетъ его дѣло; по Гарнаку, его прямо нужно назвать первымъ церковнымъ писателемъ, который къ догмату о единосущіи Сына Божія съ Отцемъ присоединилъ соотвѣтствующій догматъ о Св. Духѣ и такимъ образомъ пополнилъ церковное ученіе о Богѣ, троичномъ въ Лицахъ. Какъ одушевленный против-

никъ аріанства, Аполлинарій занимаетъ у Гарнака выдающееся мѣсто. Мы привыкли думать, что быстрой и окончательной побѣдѣ православія надъ аріанскою ересью, послѣ св. Аеанасія, всего болѣе способствовали Каппадокійскіе отцы г. е. Василій Великій, Григорій Богословъ и Григорій Нисскій; изъ Гарнака мы узнаемъ, что и здѣсь пальма первенства должна принадлежать Аполлинарію, такъ какъ Каппадокійскіе отцы заимствовали свое ученіе о Троицѣ ни отъ кого другаго, какъ отъ своего учителя—того же Аполлинарія. Онъ первый въ полнотѣ раскрылъ это ученіе; онъ же придалъ этому ученію и тотъ характеръ, въ которомъ оно, по мнѣнію Гарнака, достигло торжества на Востоцкѣ ¹⁾. Еще большее значеніе удѣляетъ Гарнакъ Аполлинарію въ исторіи другаго вопроса, вопроса о Лицѣ Богочеловѣка, сильно занимавшаго собой богословствующіе умы еще во второй половинѣ IV-го вѣка. Если въ области ученія о св. Троицѣ Аполлинарій завершаетъ дѣло, начатое ранѣе его, то здѣсь, въ области ученія о Богочеловѣкѣ, „онъ пролагаетъ путь для проблемы будущаго времени“ и пролагаетъ такъ, что опредѣляетъ своими воззрѣніями то рѣшеніе, какое должна получить эта проблема позднѣе, у греческихъ церковныхъ писателей. Замѣчательно, что Гарнакъ въ общемъ довольно правильно излагаетъ хринологическую систему Аполлинарія и вѣрно опредѣляетъ мотивы, побудившіе его къ отрицанію ума челоуѣческаго во Христѣ. Онъ самъ даетъ понять, что источникъ Аполлинаріева ученія не совсѣмъ чистъ, не вполне свободенъ отъ примѣси чуждыхъ для христіанства элементовъ, такъ какъ совершенно основательно раздѣляетъ доводы Аполлинарія на два разряда: на богословскіе и философскіе, заимствованные изъ метафизики Аристотеля, но при оцѣнкѣ его воззрѣній онъ забываетъ о вліяніи философіи и видитъ въ нихъ полное выраженіе однихъ только религіозныхъ постулатовъ. „Это ученіе,—говоритъ онъ объ Аполлинаріи,—разсматриваемое съ точки зрѣнія предположеній и цѣлей греческаго пониманія христіанства, какъ религіи, совершенно. Аполлинарій неподражаемо изложилъ, энергично выразилъ и во

¹⁾ Harnack. Lebrbuch d. Dogmengesch. II, ss. 285; anni. 2; cf. 257, ann. 3; s. 312.

многочисленныхъ сочиненіяхъ неутомимо и съ пафосомъ внутренняго убѣжденія повторялъ то, во что въ сущности вѣровали всѣ благочестивые греки... Только это (раскрытое Аполлинаріемъ) единство Лица обезпечиваетъ искупленіе рода человѣческаго къ Божественной жизни; все другое въ Искупителѣ для вѣры не существуетъ. Принятіе во Христѣ отдѣльной человѣческой личности уничтожаетъ искупленіе: это тысячи предъ Аполлинаріемъ чувствовали и предугадывали, только онъ одинъ исповѣдалъ и возвѣстилъ“. „И онъ былъ,—добавляетъ Гарнакъ,—достаточно честенъ, чтобы не говорить о совершенномъ человѣчествѣ Христа, но открыто призналъ, что Христосъ не есть полный человѣкъ. Достоинъ удивленія и есть знакъ благочестія и любви къ истинѣ этого великаго епископа то, что, вынужденный выбирать между интересами вѣры и притязаніями традиціи, онъ безъ колебаній отдаетъ предпочтеніе первымъ“. ¹⁾ Какъ полное выраженіе греческаго благочестія, христологическое ученіе Аполлинарія, осужденное на первыхъ порахъ, очевидно, рано или поздно должно было получить господство въ греческой церкви. По Гарнрку такъ это случилось и на самомъ дѣлѣ. Правда, въ послѣдующей исторіи церкви мы видимъ упорную борьбу съ элементами аполлинаріанства, борьбу, которая продолжается въ теченіи почти трехъ столѣтій и въ которой привносятся новыя разъясненія въ ученіе о Богочеловѣкѣ, но съ точки зрѣнія Гарнака эта борьба была однимъ сплошнымъ недоразумѣніемъ. „Всякая поправка,—говоритъ онъ,—привносимая въ христологию Аполлинарія, подвергала опасности основы и жизненность греческаго благочестія“, а потому и слѣдовавшіе за осужденіемъ Аполлинарія споры по поводу его ученія только искажали и затемняли первоначальный ясный смыслъ его воззрѣній, но не уберегли отъ нихъ греческую догматику. По удивительнымъ наблюденіямъ Гарнака оказывается, что проводниками аполлинаризма были тѣ самые люди, которые въ исторіи заявили себя наиболѣе рѣшительными противниками Аполлинарія. Такъ, Каппадокійскіе отцы въ отдѣльныхъ пунктахъ хорошо опровергали Аполлинарія, но по словамъ Гарнака „въ сущности думали такъ же, какъ и

¹⁾ Harnack, *ibid.*, s. 313—318.

Аполлинарій“; Кирилль Александрійскій писалъ нарочитое сочиненіе противъ аполлинаристовъ, но и онъ все лучшее въ своихъ воззрѣніяхъ заимствовалъ у Аполлинарія. Опре- дѣленіе IV-го вселенскаго собора о двухъ полныхъ приро- дахъ во Христѣ и одной ипостаси Гарнакъ отказывается понимать, да его и трудно было бы подвести подъ эту точку зрѣнія. За то изложивши христологію Леонтія Визан- тійскаго, основанную на догматической формулѣ этого собора, Гарнакъ присоединяетъ къ своему изложенію такія слова: „да, замѣтилъ бы на это какой-нибудь монахъ-аполлина- ристъ, тоже самое говорилъ и Аполлинарій, только въ бо- лѣ понятныхъ выраженіяхъ“. Наконецъ, заканчивая исто- рію ученія о Лицѣ Христа анализомъ системы св. Іоанна Дамаскина, Гарнакъ слѣдующимъ образомъ подводитъ ей итоги: „въ греческой догматикѣ въ религіозномъ отношеніи побѣдилъ Аполлинарій; тотъ умѣренный докетизмъ, какой Аполлинарій рѣшительно, смѣло и открыто высказалъ, ле- житъ въ основѣ ортодоксальнаго представленія о Христѣ, только задрапированный всевозможными формулами; въ этихъ формулахъ ортодоксія стоитъ много ближе къ антио- хійцамъ, чѣмъ къ Аполлинарію, но на *дѣлѣ* отъ антиохійской христологіи осталось только одно утвержденіе, что Хри- стосъ имѣетъ дѣйствительно полную человѣческую при- роду“ ¹⁾.

Вотъ то послѣднее слово, къ которому привело новое движеніе въ изученіи Аполлинарія, начавшееся столь скром- ными и строго-научными изслѣдованіями Каспари! Въ лицѣ писателя, осужденнаго соборами за ересь, оно хочетъ по- дарить „греческой“ т. е. нашей православной церкви но- ваго отца и учителя, и притомъ такого, который по всей справедливости долженъ быть названъ великимъ и знаме- нитѣйшимъ. Онъ одинъ счумѣлъ ясно и открыто выразить сущность христіанства, какъ религіи, перевести въ безу- коризненную систему воззрѣній самый „центръ греческаго благочестія“. Никакой другой церковный дѣятель, жившій послѣ половины IV-го вѣка, не можетъ сравняться съ нимъ по своему положенію въ исторіи греческой догматики. Слѣ- дую Гарнаку, мы должны чтить въ Аполлинаріи истиннаго

¹⁾ Harnack, *ibid.*, s. 317. 321. 333. 337, anm. 2; 384, anm. 3; 414, anm.

созидателя православно-догматическаго ученія, опредѣлившаго собой характеръ „греческой“ догматики. Для греческаго богословія его воззрѣнія имѣли роковое значеніе какого-то заколдованнаго круга, изъ котораго, при всѣхъ своихъ усилахъ, никакъ не могли выйти писатели греческой церкви. По откровенному заявленію Гарнака, „всѣ греки, которые оперируютъ (въ области богословской мысли), выходя изъ ученія объ искупленіи, необходимо должны быть тайными аполлинаристами“ ¹⁾. Значить аполлинаризмъ и доселѣ царить въ нашей богословской наукѣ, по скольку она въ ученіи о Богочеловѣкѣ продолжаетъ быть вѣрной опредѣленіямъ соборовъ и твореніямъ отцевъ греческой церкви.

Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? дѣйствительно-ли догматическое ученіе наше сложилось и доселѣ находится подъ господствующимъ вліяніемъ Аполлинарія?—входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ вопросовъ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ отвѣтъ на нихъ ясенъ самъ собой, но нельзя обойти молчаніемъ другаго рода вопросъ, а именно: чѣмъ нужно объяснять себѣ эти превратныя сужденія объ Аполлинаріи лучшаго западнаго историка? гдѣ лежитъ источникъ этихъ укориствъ, подъ видомъ восхваленія Аполлинарія обращенныхъ къ греческой церкви? Думается, что помимо общихъ раціоналистическихъ принциповъ, опредѣляющихъ воззрѣніе Гарнака на исторію христіанства, его преувеличенная оцѣнка Аполлинарія прежде всего вызывалась самымъ характеромъ ученія этого ересіарха. Въ заблужденіи Аполлинарія есть черты, которыя при односторонней настроенности историка могутъ внушать къ виновнику его нѣкоторую симпатію и наклонность къ оправданію. Вниманіе Гарнака привлекаютъ къ себѣ въ особенности два качества христологической системы аполлинаризма,—ея искренность и поразительная ясность,—и эти качества, безспорно, присущи ей. Аполлинарій былъ еретикомъ не по малодушію, не по злобѣ и не по внѣшнимъ расчетомъ вообще, а по увлеченію. Онъ ничего другаго не желалъ и ни къ чему другому не стремился, какъ только къ уясненію церковнаго ученія о Богочеловѣкѣ; онъ искренно ду-

¹⁾ Harnack, *ibid.*, s. 384, ann. 3.

маль, что отвергая умъ человѣческій во Христѣ, признавая въ Немъ одну природу Божества и плоти, онъ остается вѣренъ ученію Св. писанія и преданія. Его планы были, поэтому, чисты, и если разсматривать его теорію со стороны ея цѣлей, то ея искренность невольно можетъ подкупить историка въ свою пользу. На этой сторонѣ Гарнакъ и обосновываетъ свои сужденія объ Аполлинаріи, выставляя его ревнителемъ греческаго благочестія. Но онъ забываетъ, что благими намѣреніями вымощенъ адъ... Желая уяснить себѣ догматъ о воплощеніи на началахъ философскихъ, научныхъ, Аполлинарій незамѣтно для себя принесъ въ жертву своимъ философскимъ убѣжденіямъ чистоту христіанскаго ученія. Въ этомъ отношеніи онъ оказался съ родни Гарнаку. Въ его системѣ важное мѣсто заняли отвлеченныя понятія, навѣянныя изученіемъ Аристотеля, съ положеніями котораго онъ стремился согласить вѣру во Христа, какъ Бога. Аполлинарій, какъ и всякой другой христіанскій мыслитель, глубоко былъ убѣжденъ, что „все, что Христосъ содѣлалъ для насъ, должно быть содѣлано Богомъ“, но какъ послѣдователь Аристотеля, онъ не хотѣлъ допустить, чтобы вмѣстѣ съ Божествомъ во Христѣ было и полное человѣчество, ибо, по его мнѣнію, два совершенныхъ, сложныхъ вмѣстѣ, дадутъ въ суммѣ двойство, а не единство. И онъ разрѣшилъ это противорѣчіе способомъ грубымъ, такъ сказать, анатомическимъ: онъ отсѣкъ умъ у человѣческой природы Христа и вмѣсто него поставилъ Божество; этимъ приемомъ требованія Аристотелевской метафизики онъ выполнилъ, но за то истинное понятіе о вочеловѣченіи извратилъ. Христосъ явился у него не Богочеловѣкомъ, а плотью, одухотворенною Божествомъ, единеніемъ Бога не съ человѣкомъ, а съ тѣмъ, что свойственно всему одушевленному царству. Благодаря этому искаженію понятія о вочеловѣченіи, ученіе Аполлинарія, дѣйствительно, оказалось яснымъ до прозрачности, осязательно нагляднымъ. Мы вѣримъ, что соединеніе двухъ полныхъ природъ во Христѣ есть величайшая тайна, къ которой нашъ умъ можетъ только приближаться, но не всецѣло овладѣвать ею. У Аполлинарія этой тайны нѣтъ; его христология не предлагаетъ трудныхъ для человѣческой мысли вопросовъ, потому что она отвергаетъ ихъ, устраняетъ самую тайну единенія. Не

даромъ его ученики—аполлинаристы говорили, что ихъ отецъ Аполлинарій первый ясно возвѣстили сокровенное отъ вѣка таинство воплощенія! Для того, кто подобно Гарнаку прямо отказывается понимать ученіе церкви о Богочеловѣкѣ, кто въ опредѣленіи Халкидонскаго собора видитъ одинъ наборъ взаимно отрицающихъ себя положеній, теорія Аполлинарія по своей ясности естественно должна казаться перломъ совершенства, хотя ея ясность и куплена дорогой цѣной извращенія христіанской вѣры ¹⁾.

Какъ плодъ предвзятыхъ воззрѣній и непониманія церковнаго ученія, сужденія Гарнака объ Аполлинаріи могли бы быть спокойно предоставлены ихъ собственной участи. Объ укоризнахъ, расточаемыхъ имъ по адресу греческой церкви, достаточно было бы высказаться словами св. Аванасія; „это облако, которое пройдетъ“, да и идетъ-то оно пока мимоходомъ, въ сторонѣ отъ нашей богословской науки. Но, помимо личной односторонности историка, въ нихъ есть одинъ серіозной элементъ, заслуживающій внимательнаго разсмотрѣнія и придающій имъ видъ научности. Этотъ элементъ состоитъ въ томъ движеніи въ изученіи Аполлинарія, въ тѣхъ новооткрытыхъ его сочиненіяхъ, къ которымъ, какъ ихъ завершеніе, примыкаютъ взгляды Гарнака. Характеризуя личность Аполлинарія и его ученіе восторженными эпитетами, Гарнакъ вовсе не хочетъ выразить этимъ только свое собственное отношеніе къ Аполлинарію: онъ опирается на изслѣдованіяхъ Каспари и Дрезеке о сочиненіяхъ Аполлинарія и свои сужденія предлагаетъ въ качествѣ выводовъ изъ этихъ изслѣдованій. И онъ до нѣкоторой степени правъ: если напр. признать несомнѣнною принадлежность Аполлинарію такого сочиненія, какъ псевдо-Іустиновское „Изложеніе вѣры“, то мы должны будемъ существенно измѣнить свои обычные представленія изъ исторіи тринитарныхъ споровъ IV-го вѣка и по крайней мѣрѣ на половину согласиться съ Гарнакомъ въ томъ положеніи, какое онъ отводитъ Аполлинарію въ развитіи этихъ споровъ. Разсматриваемая съ этой стороны, сужденія Гарнака получаютъ новое и болѣе важное значеніе. Они съ полною очевидностью показываютъ, что для устраненія ложныхъ пред-

¹⁾ Подробнѣе см. въ нашемъ изслѣдованіи стр. 260 сл., 319 сл.; 458—465.

ставленій о возвышенной роли Аполлинарія въ исторіи православной догматики, мало одного простаго отрицанія, мало и разбора общихъ взглядовъ, высказанныхъ тѣмъ или другимъ ученымъ, что для этой цѣли необходимо провѣрить самія открытія, подавшія къ нимъ поводъ, испытать твердость той почвы, на которой они вырастаютъ. Пока эта почва остается незатронутой, пока она будетъ казаться прочной и непоколебимой, она будетъ всегда производить плоды, подобные сужденіямъ Гарнака. И эта провѣрка нужна не только въ интересахъ апологетическихъ, она столько же необходима и въ цѣляхъ исключительно научныхъ. Закончившееся диоирамбами Аполлинарію новое движеніе въ западной наукѣ въ томъ отношеніи главныхъ образомъ и любопытно для церковнаго историка, что оно даетъ возможность видѣть, насколько интересна и глубоко-знаменательна по своему значенію страница церковной исторіи, соединяемая съ именемъ этого писателя. Оно наглядно свидѣтельствуетъ, что за мелочными, узко-спеціальными вопросами о подлинности сочиненій Аполлинарія, объ ихъ исторической судьбѣ скрываются другіе болѣе важные вопросы, имѣющіе часто принципиальное значеніе. Какъ Аполлинарій училъ о Св. Троицѣ? какимъ образомъ изъ защитника православнаго ученія и друга великихъ отцовъ IV-го вѣка онъ сталъ еретикомъ? какъ, подъ какими вліяніями совершился въ немъ переходъ отъ ученія о Троицѣ къ ученію о Богочеловѣкѣ? въ чемъ состоятъ отличительныя черты этого послѣдняго и какъ оно отразилось на дальнѣйшихъ хринологическихъ волненіяхъ?— вотъ рядъ темъ, выдвинутыхъ въ настоящее время въ церковно-исторической наукѣ вмѣстѣ съ новонайденными сочиненіями Аполлинарія. Правда, тщательная провѣрка, приложенная къ этимъ открытіямъ, заставляеть добрую половину ихъ отвергнуть совсѣмъ или признать преждевременными, но за исключеніемъ этихъ безъ достаточныхъ основаній усвоенныхъ Аполлинарію сочиненій, въ распоряженіи науки остается еще значительное число произведеній, принадлежность которыхъ Аполлинарію стоитъ внѣ сомнѣній и которыя для историка представляютъ собой очень цѣнную находку. Изучая ихъ при свѣтѣ современныхъ имъ историческихъ условій, мы можемъ въ подробностяхъ наблюдать тотъ любопытный процессъ, какимъ церковь отъ формулировки ученія о Троицѣ пере-

ходила къ спорамъ о Лицѣ Богочеловѣка, можемъ довольно точно воспроизвести его и, такъ сказать, вновь непосредственно пережить. При помощи этихъ, несомнѣнно Аполлинаріемъ написанныхъ сочиненій, мы можемъ видѣть, съ какою постепенностью и естественностью еще во время борьбы за ученіе о Троицѣ протѣснялся на историческую сцену все тотъ же старый вопросъ о томъ, что должно думать о Христѣ? чей Онъ сынъ? Начинаясь полемикой съ арианствомъ, въ самый разгаръ тринитарныхъ движеній, литературная дѣятельность Аполлинарія незамѣтно переводитъ насъ въ новую эпоху обще-церковной жизни, когда церковь всецѣло обратилась къ раскрытію ученія о Христѣ, и является необходимымъ введеніемъ къ изученію этой эпохи. Когда не задолго предъ половиной IV-го вѣка Аполлинарій только что вступалъ въ ряды церковныхъ дѣятелей, всѣ силы времени поглощались борьбой съ арианствомъ и интересъ къ христологическому ученію былъ слабо замѣтенъ; въ концѣ же IV-го вѣка это ученіе овладѣваетъ уже общимъ вниманіемъ, въ тѣсной связи съ сочиненіями Аполлинарія появляются ясно опредѣлившіяся христологическія партіи и возникаетъ очень значительная литература, посвященная изложенію ихъ воззрѣній. Аполлинарій осуждается и аполлинаристы исчезаютъ изъ исторіи, но сочиненія Аполлинарія надписываются именами св. отцевъ и въ этомъ видѣ становятся основою монофизитской ереси и ея полемики съ церковнымъ ученіемъ. Поэтому-то ни одно имя столь часто не упоминалось въ этой полемикѣ, какъ имя Аполлинарія. Его тѣнь, — можно сказать, — постоянно носилась надъ христологическими спорами V-го и слѣдующихъ вѣковъ въ качествѣ урока, предостерегающаго отъ излишней пытливости въ дѣлахъ вѣры и побуждающаго къ тщательной осторожности въ богословскихъ построеніяхъ.

Прележащее Вашему ученому суду мое изслѣдованіе о сочиненіяхъ Аполлинарія и имѣетъ дѣло съ этой любопытной страницей древней церковной исторіи. Провѣряя новыя открытія Каспари и Дрезеке, устраняя изъ нихъ слабое, подтверждая и отчасти пополняя прочное, оно стремится къ тому, чтобы внести болѣе правильную точку зрѣнія на эту страницу со стороны матеріаловъ, опредѣляющихъ ее содержанія. Не придавая никакого особеннаго значенія и заслугъ

своему изслѣдованію, вполнѣ сознавая его недостатки, я все-же осмѣливаюсь думать, что, не смотря на спеціальность своей задачи, оно не окажется совершенно безполезнымъ для того будущаго историка древней церкви, который въ интересахъ православной науки еще разъ остановится своимъ вниманіемъ на Аполлинаріи. Если эта моя надежда меня не обманетъ, то я сочту свой трудъ вполнѣ вознагражденнымъ.

Анатолій Спасскій.
